

ДЯДЯ ВАНЯ

1896, выдержки Дятлова Н. С. от 18.09.2024, 1-8/132=94%

1. **Астров:** Сильно я изменился с тех пор? **Марина:** Сильно. Тогда ты молодой был, красивый, а теперь постарел. И красота уже не та. Тоже сказать — и водочку пьешь.
2. За все время, пока мы с тобою знакомы, у меня ни одного дня не было свободного. Как не постареть? Да и сама по себе жизнь скучна, глупа, грязна... Затягивает эта жизнь. Кругом тебя одни чудаки, сплошь одни чудаки; а проживешь с ними года два-три и мало-помалу сам, незаметно для себя становишься чудаком. Неизбежная участь.
3. Я стал чудаком, нянька... Поглупеть-то я еще не поглупел, бог милостив, мозги на своем месте, но чувства как-то притупились. Ничего я не хочу, ничего мне не нужно, никого я не люблю... Вот разве тебя только люблю. **(Целует ее в голову.)** У меня в детстве была такая же нянька.
4. Сел я, закрыл глаза — вот этак, и думаю: те, которые будут жить через сто — двести лет после нас и для которых мы теперь пробиваем дорогу, помянут ли нас добрым словом? Нянька, ведь не помянут! **Марина:** Люди не помянут, зато Бог помянет. **Астров:** Вот спасибо. Хорошо ты сказала.
5. Прежде минуты свободной не было, я и Соня работали — мое почтение, а теперь работает одна Соня, а я сплю, ем, пью... Нехорошо!
6. **Астров:** Нового нет ли чего? **Войницкий:** Ничего. Все старо. Я тот же, что и был, пожалуй, стал хуже, так как обленился, ничего не делаю и только ворчу, как старый хрен. Моя старая галка, тамап, все еще лепечет про женскую эмансипацию; одним глазом смотрит в могилу, а другим ищет в своих умных книжках зарю новой жизни.
7. Бедная бумага! Он бы лучше свою автобиографию написал. Какой это превосходный сюжет! Отставной профессор, понимаешь ли, старый сухарь, ученая вобла... Подагра, ревматизм, мигрень, от ревности и зависти вспухла печенька... Живет эта вобла в имении своей первой жены, живет поневоле, потому что жить в городе ему не по карману. Вечно жалуется на свои несчастья, хотя, в сущности, сам необыкновенно счастлив. **(Нервно.)** Ты только подумай, какое счастье! Сын простого дьячка, бурсак, добился ученых степеней и кафедры, стал его превосходительством, зятем сенатора и прочее и прочее. Все это не важно, впрочем. Но ты возьми вот что. Человек ровно двадцать пять лет читает и пишет об искусстве, ровно ничего не понимая в искусстве. Двадцать пять лет он пережевывает чужие мысли о реализме, натурализме и всяком другом вздоре; двадцать пять лет читает и пишет о том, что умным давно уже известно, а для глупых неинтересно: значит, двадцать пять лет переливает из пустого в порожнее. И в то же время какое самомнение! Какие претензии! Он вышел в отставку, и его не знает ни одна живая душа, он совершенно неизвестен; значит, двадцать пять лет он занимал чужое место. А посмотри: шагает, как полубог! **Астров:** Ну, ты, кажется, завидуешь. **Войницкий:** Да, завидую! А какой успех у женщин! Ни один Дон-Жуан не знал такого полного успеха!
8. **Астров:** Она верна профессору? **Войницкий:** К сожалению, да. **Астров:** Почему же к сожалению? **Войницкий:** Потому что эта верность фальшива от начала до конца. В ней много риторики, но нет логики. Изменить старому мужу, которого терпеть не можешь, — это безнравственно; стараться же заглушить в себе бедную молодость и живое чувство — это не безнравственно. **Телегин (плачущим голосом):** Ваня, я не люблю, когда ты это говоришь. Ну вот, право... Кто изменяет жене или мужу, тот, значит, неверный человек, тот может изменить и отечеству! **Войницкий (с досадой):** Заткни фонтан, Вафля!
9. **Телегин:** Позволь, Ваня. Жена моя бежала от меня на другой день после свадьбы с любимым человеком по причине моей непривлекательной наружности. После того я своего долга не нарушал. Я до сих пор ее люблю и верен ей, помогаю чем могу и отдал свое имущество на воспитание деточек, которых она прижила с любимым человеком. Счастья я лишился, но у

- меня осталась гордость. А она? Молодость уже прошла, красота под влиянием законов природы поблекла, любимый человек скончался... Что же у нее осталось?
10. **Астров:** А я-то сломя голову скакал тридцать верст. Ну, да ничего, не впервой. Зато уж останусь у вас до завтра и, по крайней мере, выплещу quantum satis.
11. **Елена Андреевна:** Ничего, Иван Иванович, мы и холодный выпьем. **Телегин:** Виноват-с... Не Иван Иванович, а Илья Ильич-с... Илья Ильич Телегин, или, как некоторые зовут меня по причине моего рябого лица, Вафля. Я когда-то крестил Сонечку, и его превосходительство, ваш супруг, знает меня очень хорошо. Я теперь у вас живу-с, в этом имении-с... Если изволили заметить, я каждый день с вами обедаю.
12. **Войницкий:** Ничего нет ужасного. Пейте, тапан, чай. **Мария Васильевна:** Но я хочу говорить! **Войницкий:** Но мы уже пятьдесят лет говорим, и говорим, и читаем брошюры. Пора бы уж и кончить. **Мария Васильевна:** Тебе почему-то неприятно слушать, когда я говорю. Прости, Жан, но в последний год ты так изменился, что я тебя совершенно не узнаю... Ты был человеком определенных убеждений, светлою личностью. **Войницкий:** О да! Я был светлою личностью, от которой никому не было светло...
13. Я был светлою личностью... Нельзя сострить ядовитей! Теперь мне сорок семь лет. До прошлого года я так же, как вы, нарочно старался отуманивать свои глаза вашею этою схоластикой, чтобы не видеть настоящей жизни, — и думал, что делаю хорошо. А теперь, если бы вы знали! Я ночи не сплю с досады, от злости, что так глупо проворонил время, когда мог бы иметь все, в чем отказывает мне теперь моя старость! **Соня:** Дядя Ваня, скучно! **Мария Васильевна (сыну):** Ты точно обвиняешь в чем-то свои прежние убеждения... Но виноваты не они, а ты сам. Ты забывал, что убеждения сами по себе ничто, мертвая буква... Нужно было дело делать. **Войницкий:** Дело? Не всякий способен быть пишущим *perpetuum mobile*, как ваш герр профессор.
14. **Мария Васильевна:** Что ты хочешь этим сказать? **Соня (умоляюще):** Бабушка! Дядя Ваня! Умоляю вас! **Войницкий:** Я молчу. Молчу и извиняюсь. **Пауза.** **Елена Андреевна:** А хорошая сегодня погода... Не жарко... **Пауза.** **Войницкий:** В такую погоду хорошо повеситься...
15. Где уж... куда уж... (**Нашел фуражку.**) У Островского в какой-то пьесе есть человек с большими усами и малыми способностями... Так это я. Ну, честь имею, господа...
16. **Елена Андреевна:** Мне уже говорили, что вы очень любите леса. Конечно, можно принести большую пользу, но разве это не мешает вашему настоящему призванию? Ведь вы доктор. **Астров:** Одному богу известно, в чем наше настоящее призвание. **Елена Андреевна:** И интересно? **Астров:** Да, дело интересное. **Войницкий (с иронией):** Очень! Елена Андреевна (**Астрову**). Вы еще молодой человек, вам на вид... ну, тридцать шесть — тридцать семь лет... и, должно быть, не так интересно, как вы говорите. Все лес и лес. Я думаю, однообразно.
17. В странах, где мягкий климат, меньше тратится сил на борьбу с природой, и потому там мягче и нежнее человек; там люди красивы, гибки, легко возбудимы, речь их изящна, движения грациозны. У них процветают науки и искусства, философия их не мрачна, отношения к женщине полны изящного благородства...
18. **Войницкий (смеясь):** Браво, браво!.. Все это мило, но не убедительно, так что (**Астрову**) позволь мне, мой друг, продолжать топить печи дровами и строить сараи из дерева. **Астров:** Ты можешь топить печи торфом, а сараи строить из камня. Ну, я допускаю, руби леса из нужды, но зачем истреблять их? Русские леса трещат под топором, гибнут миллиарды деревьев, опустошаются жилища зверей и птиц, мелеют и сохнут реки, исчезают безвозвратно чудные пейзажи, и все оттого, что у ленивого человека не хватает смысла нагнуться и поднять с земли топливо. (**Елене Андреевне.**) Не правда ли, сударыня? Надо быть безрассудным варваром, чтобы жечь в своей печке эту красоту, разрушать то, чего мы не можем создать. Человек одарен разумом и творческою силой, чтобы приумножать то, что ему дано, но до сих пор он не творил, а разрушал. Лесов все меньше и меньше, реки сохнут, дичь перевелась, климат испорчен, и с каждым днем земля становится все беднее и безобразнее. (**Войницкому.**) Вот ты глядишь на меня с иронией, и все, что я говорю, тебе кажется несерьезным, и... и, быть может, это в самом деле чудачество, но когда я прохожу мимо крестьянских лесов, которые я спас от порубки, или когда я слышу, как шумит мой молодой лес, посаженный моими руками,

я сознаю, что климат немножко и в моей власти и что если через тысячу лет человек будет счастлив, то в этом немножко буду виноват и я. Когда я сажаю березку и потом вижу, как она зеленеет и качается от ветра, душа моя наполняется гордостью, и я... (**Увидев работника, который принес на подносе рюмку водки.**) Однако... (**пьет**) мне пора. Все это, вероятно, чудачество в конце концов. Честь имею кланяться! (**Идет к дому.**)

19. **Елена Андреевна:** А вы, Иван Петрович, опять вели себя невозможно. Нужно было вам раздражать Марию Васильевну, говорить о *perpetuum mobile*! И сегодня за завтраком вы опять спорили с Александром. Как это мелко! **Войницкий:** Но если я его ненавижу! **Елена Андреевна:** Ненавидеть Александра не за что, он такой же, как все. Не хуже вас. **Войницкий:** Если бы вы могли видеть свое лицо, свои движения... Какая вам лень жить! Ах, какая лень! **Елена Андреевна:** Ах, и лень и скучно! Все бранят моего мужа, все смотрят на меня с сожалением: несчастная, у неё старый муж! Это участие ко мне — о, как я его понимаю! Вот как сказал сейчас Астров: все вы безрассудно губите леса, и скоро на земле ничего не останется. Точно так вы безрассудно губите человека, и скоро благодаря вам на земле не останется ни верности, ни чистоты, ни способности жертвовать собою. Почему вы не можете видеть равнодушно женщину, если она не ваша? Потому что, — прав этот доктор, — во всех вас сидит бес разрушения. Вам не жаль ни лесов, ни птиц, ни женщин, ни друг друга. **Войницкий:** Не люблю я этой философии!
20. **Елена Андреевна:** У этого доктора утомленное, нервное лицо. Интересное лицо. Соне, очевидно, он нравится, она влюблена в него, и я ее понимаю. При мне он был здесь уже три раза, но я застенчива и ни разу не поговорила с ним как следует, не обладала его. Он подумал, что я зла. Вероятно, Иван Петрович, оттого мы с вами такие друзья, что оба мы нудные, скучные люди! Нудные! Не смотрите на меня так, я этого не люблю.
21. Проклятая, отвратительная старость. Черт бы ее побрал. Когда я постарел, я стал себе противен. Да и вам всем, должно быть, противно на меня смотреть. **Елена Андреевна:** Ты говоришь о своей старости таким тоном, как будто все мы виноваты, что ты стар. **Серебряков:** Тебе же первой я противен. Елена Андреевна отходит и садится поодаль. Конечно, ты права. Я не глуп и понимаю. Ты молода, здорова, красива, жить хочешь, а я старик, почти труп. Что ж? Разве я не понимаю? И, конечно, глупо, что я до сих пор жив. Но погодите, скоро я освобожу вас всех. Недолго мне еще придется тянуть.
22. **Елена Андреевна:** Я изнемогаю... Бога ради, молчи. **Серебряков:** Выходит так, что благодаря мне все изнемогли, скучают, губят свою молодость, один только я наслаждаюсь жизнью и доволен. Ну да, конечно! **Елена Андреевна:** Замолчи! Ты меня замучил! **Серебряков:** Я всех замучил. Конечно. Елена Андреевна (**сквозь слезы**). Невыносимо! Скажи, что ты хочешь от меня? **Серебряков:** Ничего. **Елена Андреевна:** Ну, так замолчи. Я прошу. **Серебряков:** Странное дело, заговорит Иван Петрович или эта старая идиотка, Марья Васильевна, — и ничего, все слушают, но скажи я хоть одно слово, как все начинают чувствовать себя несчастными. Даже голос мой противен. Ну, допустим, я противен, я эгоист, я деспот, но неужели я даже в старости не имею некоторого права на эгоизм? Неужели я не заслужил? Неужели же, я спрашиваю, я не имею права на покойную старость, на внимание к себе людей? **Елена Андреевна:** Никто не оспаривает у тебя твоих прав.
23. **Серебряков:** Всю жизнь работать для науки, привыкнуть к своему кабинету, к аудитории, к почтенным товарищам — и вдруг, ни с того ни с сего, очутиться в этом склепе, каждый день видеть тут глупых людей, слушать ничтожные разговоры... Я хочу жить, я люблю успех, люблю известность, шум, а тут — как в ссылке. Каждую минуту тосковать о прошлом, следить за успехами других, бояться смерти... Не могу! Нет сил! А тут еще не хотят простить мне моей старости! **Елена Андреевна:** Погоди, имей терпение: через пять-шесть лет и я буду стара.
24. **Серебряков:** Душно... Соня, дай мне со стола капли! **Соня:** Сейчас. (**Подает капли.**) **Серебряков (раздраженно):** Ах, да не эти! Ни о чем нельзя попросить! **Соня:** Пожалуйста, не капризничай. Может быть, это некоторым и нравится, но меня избавь, сделай милость! Я этого не люблю. И мне некогда, мне нужно завтра рано вставать, у меня сенокос.

25. **Войницкий:** На дворе гроза собирается. Молния. Вона как! Hélène и Соня, идите спать, я пришел вас сменить! **Серебряков (испуганно):** Нет, нет! Не оставляйте меня с ним! Нет. Он меня заговорит!
26. Старые что малые, хочется, чтобы пожалел кто, а старых-то никому не жалко. **(Целует Серебрякова в плечо.)** Пойдем, батюшка, в постель... Пойдем, светик... Я тебя липовым чаем напою, ножки твои согрею... Богу за тебя помолюсь... **Серебряков (растроганный):** Пойдем, Марина.
27. **Елена Андреевна:** Я замучилась с ним. Едва на ногах стою. **Войницкий:** Вы с ним, а я с самим собою. Вот уже третью ночь не сплю.
28. **Елена Андреевна:** Неблагополучно в этом доме. Ваша мать ненавидит все, кроме своих брошюр и профессора; профессор раздражен, мне не верит, вас боится; Соня злится на отца, злится на меня и не говорит со мною вот уже две недели; вы ненавидите мужа и открыто презираете свою мать; я раздражена и сегодня раз двадцать принималась плакать... Неблагополучно в этом доме.
29. **Елена Андреевна:** Вы, Иван Петрович, образованны и умны и, кажется, должны бы понимать, что мир погибает не от разбойников, не от пожаров, а от ненависти, вражды, от всех этих мелких дрызг... Ваше бы дело не ворчать, а мирить всех. **Войницкий:** Сначала помирите меня с самим собою! Дорогая моя... **(Припадает к ее руке.)** **Елена Андреевна:** Оставьте! **(Отнимает руку.)** Уходите!
30. **Войницкий:** Сейчас пройдет дождь, и все в природе освежится и легко вздохнет. Одного только меня не освежит гроза. Днем и ночью, точно домовою, душит меня мысль, что жизнь моя потеряна безвозвратно. Прошлого нет, оно глупо израсходовано на пустыки, а настоящее ужасно по своей нелепости. Вот вам моя жизнь и моя любовь: куда мне их девать, что мне с ними делать? Чувство мое гибнет даром, как луч солнца, попавший в яму, и сам я гибну. **Елена Андреевна:** Когда вы мне говорите о своей любви, я как-то тупею и не знаю, что говорить. Простите, я ничего не могу сказать вам. **(Хочет идти.)** Спокойной ночи.
31. **Елена Андреевна:** И сегодня пили? К чему это? **Войницкий:** Все-таки на жизнь похоже... Не мешайте мне, Hélène! **Елена Андреевна:** Раньше вы никогда не пили, и никогда вы так много не говорили... Идите спать! Мне с вами скучно.
32. Боже, а теперь? Вот он в отставке, и теперь виден весь итог его жизни: после него не останется ни одной страницы труда, он совершенно неизвестен, он ничто! Мыльный пузырь! И я обманут... вижу — глупо обманут...
33. **Астров:** Что ты сегодня такой печальный? Профессора жаль, что ли? **Войницкий:** Оставьте меня. **Астров:** А то, может быть, в профессоршу влюблен? **Войницкий:** Она мой друг. **Астров:** Уже? **Войницкий:** Что значит это «уже»? **Астров:** Женщина может быть другом мужчины лишь в такой последовательности: сначала приятель, потом любовница, а затем уж друг. **Войницкий:** Пошляческая философия.
34. **Астров:** Как? Да... Надо сознаться — становлюсь пошляком. Видишь, я и пьян. Обыкновенно я напиваюсь так один раз в месяц. Когда бываю в таком состоянии, то становлюсь нахальным и наглым до крайности. Мне тогда всё нипочем! Я берусь за самые трудные операции и делаю их прекрасно; я рисую самые широкие планы будущего; в это время я уже не кажусь себе чудачком и верю, что приношу человечеству громадную пользу... громадную! И в это время у меня своя собственная философская система, и все вы, братцы, представляетесь мне такими букашками... микробами. **(Телегину.)** Вафля, играй!
35. **Соня:** А ты, дядя Ваня, опять напился с доктором. Подружились ясные соколы. Ну, тот уж всегда такой, а ты-то с чего? В твои годы это совсем не к лицу. **Войницкий:** Годы тут ни при чем. Когда нет настоящей жизни, то живут миражами. Все-таки лучше, чем ничего. **Соня:** Сено у нас все скошено, идут каждый день дожди, все гниет, а ты занимаешься миражами. Ты совсем забросил хозяйство... Я работаю одна, совсем из сил выбилась... **(Испуганно.)** Дядя, у тебя на глазах слезы!
36. **Соня:** Что мачеха? **Астров:** В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли. Она прекрасна, спора нет, но... ведь она только ест, спит, гуляет, чарует всех нас своею красотой — и больше ничего. У нее нет никаких обязанностей, на нее работают

- другие... Ведь так? А праздная жизнь не может быть чистою. **Пауза.** Впрочем, быть может, я отношусь слишком строго. Я не удовлетворен жизнью, как ваш дядя Ваня, и оба мы становимся брюзгами.
37. **Соня:** А вы недовольны жизнью? **Астров:** Вообще жизнь люблю, но нашу жизнь, уездную, русскую, обывательскую, терпеть не могу и презираю ее всеми силами моей души.
38. Знаете, когда идешь темною ночью по лесу и если в это время вдали светит огонек, то не замечаешь ни утомления, ни потемок, ни колючих веток, которые бьют тебя по лицу... Я работаю, — вам это известно, — как никто в уезде, судьба бьет меня, не переставая, порой страдаю я невыносимо, но у меня вдали нет огонька. Я для себя уже ничего не жду, не люблю людей... Давно уже никого не люблю.
39. **Астров:** Никого. Некоторую нежность я чувствую только к вашей няньке — по старой памяти. Мужики однообразны очень, неразвиты, грязно живут, а с интеллигенцией трудно ладить. Она утомляет. Все они, наши добрые знакомые, мелко мыслят, мелко чувствуют и не видят дальше своего носа — просто-напросто глупы. А те, которые поумнее и покрупнее, истеричны, заедены анализом, рефлексом... Эти ноют, ненавистничают, болезненно клеветуют, подходят к человеку боком, смотрят на него искоса и решают: «О, это психопат!» или: «Это фразер!» А когда не знают, какой ярлык прилепить к моему лбу, то говорят: «Это странный человек, странный!» Я люблю лес — это странно; я не ем мяса — это тоже странно. Непосредственного, чистого, свободного отношения к природе и к людям уже нет... Нет и нет! **(Хочет выпить.)**
40. **Астров:** Баста! Я отрезвел. Видите, я уже совсем трезв и таким останусь до конца дней моих. **(Смотрит на часы.)** Итак, будем продолжать. Я говорю: мое время уже ушло, поздно мне... Постарел, заработался, испошиллся, притупились все чувства, и, кажется, я уже не мог бы привязаться к человеку. Я никого не люблю и... уже не полюблю. Что меня еще захватывает, так это красота. Неравнодушен я к ней. Мне кажется, что если бы вот Елена Андреевна захотела, то могла бы вскружить мне голову в один день... Но ведь это не любовь, не привязанность... **(Закрывает рукой глаза и вздрагивает.)**
41. **Соня (одна):** Он ничего не сказал мне... Душа и сердце его все еще скрыты от меня, но отчего же я чувствую себя такою счастливою? **(Смеется от счастья.)** Я ему сказала: вы изящны, благородны, у вас такой нежный голос... Разве это вышло некстати? Голос его дрожит, ласкает... вот я чувствую его в воздухе. А когда я сказала ему про младшую сестру, он не понял... **(Ломая руки.)** О, как это ужасно, что я некрасива! Как ужасно! А я знаю, что я некрасива, знаю, знаю... В прошлое воскресенье, когда выходили из церкви, я слышала, как говорили про меня, и одна женщина сказала: «Она добрая, великодушная, но жаль, что она так некрасива...» Некрасива...
42. **Елена Андреевна:** Из одной рюмочки... **(Наливает.)** Этак лучше. Ну, значит — ты? **Соня:** Ты.
43. Я увлеклась им как ученым и известным человеком. Любовь была не настоящая, искусственная, но ведь мне казалось тогда, что она настоящая. Я не виновата. А ты с самой нашей свадьбы не переставала казнить меня своими умными подозрительными глазами.
44. **Елена Андреевна:** Не надо смотреть так — тебе это не идет. Надо всем верить, иначе жить нельзя. **Пауза.** **Соня:** Скажи мне по совести, как друг... Ты счастлива? **Елена Андреевна:** Нет.
45. **Елена Андреевна:** Не в лесе и не в медицине дело... Милая моя, пойми, это талант! А ты знаешь, что значит талант? Смелость, свободная голова, широкий размах... Посадит деревцо и уже загадывает, что будет от этого через тысячу лет, уже мерещится ему счастье человечества. Такие люди редки, их нужно любить... Он пьет, бывает грубоват, — но что за беда? Талантливый человек в России не может быть чистеньким.
46. **Пауза.** **Соня (вернувшись):** Нельзя! Занавес
47. **Елена Андреевна:** Вы целый день жужжите, всё жужжите — как не надоест! **(С тоской.)** Я умираю от скуки, не знаю, что мне делать. **Соня (пожимая плечами):** Мало ли дела? Только бы захотела. **Елена Андреевна:** Например? **Соня:** Хозяйством занимайся, учи, лечи. Мало ли? Вот когда тебя и папы здесь не было, мы с дядей Ваней сами ездили на базар мукой торговать. **Елена Андреевна:** Не умею. Да и неинтересно. Это только в идейных романах учат и лечат мужиков, а как я, ни с того ни с сего, возьму вдруг и пойду их лечить или учить? **Соня:** А вот я

- так не понимаю, как это не идти и не учить. Погоди, и ты привыкнешь. **(Обнимает ее.)** Не скучай, родная. **(Смеется.)** Ты скучаешь, не находишь себе места, а скука и праздность заразительны.
48. **Войницкий:** В знак мира и согласия я принесу сейчас букет роз; еще утром для вас приготовил... Осенние розы — прелестные, грустные розы... **(Уходит.)** **Соня:** Осенние розы — прелестные, грустные розы...
49. **Елена Андреевна:** Ну, полно, полно... **(Приглаживает ей волосы.)** Полно. **Соня:** Я некрасива. **Елена Андреевна:** У тебя прекрасные волосы. **Соня:** Нет! **(Оглядывается, чтобы взглянуть на себя в зеркало.)** Нет! Когда женщина некрасива, то ей говорят: «У вас прекрасные глаза, у вас прекрасные волосы...»
50. **Соня (в сильном волнении):** Ты мне скажешь всю правду? **Елена Андреевна:** Да, конечно. Мне кажется, что правда, какая бы она ни была, все-таки не так страшна, как неизвестность. Положись на меня, голубка. **Соня:** Да, да... Я скажу, что ты хочешь видеть его чертежи... **(Идет и останавливается возле двери.)** Нет, неизвестность лучше... Все-таки надежда...
51. Улететь бы вольною птицей от всех вас, от ваших сонных физиономий, от разговоров, забыть, что все вы существуете на свете... Но я труслива, застенчива... Меня замучит совесть...
52. Вы скажете, что тут культурные влияния, что старая жизнь, естественно, должна была уступить место новой. Да, я понимаю, если бы на месте этих истребленных лесов пролегли шоссе, железные дороги, если бы тут были заводы, фабрики, школы — народ стал бы здоровее, богаче, умнее, но ведь тут ничего подобного! В уезде те же болота, комары, то же бездорожье, нищета, тиф, дифтерит, пожары... Тут мы имеем дело с вырождением вследствие непосильной борьбы за существование; это вырождение от косности, от невежества, от полнейшего отсутствия самосознания, когда озябший, голодный, больной человек, чтобы спасти остатки жизни, чтобы сберечь своих детей, инстинктивно, бессознательно хватается за все, чем только можно утолить голод, согреться, разрушает все, не думая о завтрашнем дне... Разрушено уже почти все, но взамен не создано еще ничего. **(Холодно.)** Я по лицу вижу, что это вам неинтересно. **Елена Андреевна:** Но я в этом так мало понимаю... **Астров:** И понимать тут нечего, просто неинтересно.
53. **Астров (загораживая ей дорогу):** Я сегодня уеду, бывать здесь не буду, но... **(Берет ее за руку, оглядывается.)** Где мы будем видеться? Говорите скорее: где? Сюда могут войти, говорите скорее... **(Страстно.)** Какая чудная, роскошная... Один поцелуй... Мне поцеловать только ваши ароматные волосы...
54. **Серебряков:** Где же остальные? Не люблю я этого дома. Какой-то лабиринт. Двадцать шесть громадных комнат, разбредутся все, и никого никогда не найдешь. **(Звонит.)** Пригласите сюда Марью Васильевну и Елену Андреевну!
55. Прошу, господа. Повесьте, так сказать, ваши уши на гвоздь внимания. **(Смеется.)**
56. Я пригласил вас, господа, чтобы объявить вам, что к нам едет ревизор. Впрочем, шутки в сторону. Дело серьезное.
57. Я, господа, собрал вас, чтобы попросить у вас помощи и совета, и, зная всегдашнюю вашу любезность, надеюсь, что получу их. Человек я ученый, книжный и всегда был чужд практической жизни. Обойтись без указаний сведущих людей я не могу
58. Нужно изыскать такие меры, которые гарантировали бы нам постоянную, более или менее определенную цифру дохода.
59. Если вырученные деньги мы обратим в процентные бумаги, то будем получать от четырех до пяти процентов, и я думаю, что будет даже излишек в несколько тысяч, который нам позволит купить в Финляндии небольшую дачу.
60. **Серебряков:** Я не понимаю, отчего ты волнуешься. Я не говорю, что мой проект идеален. Если все найдут его негодным, то я не буду настаивать.
61. **Войницкий:** Двадцать пять лет я вот с этою матерью, как крот, сидел в четырех стенах... Все наши мысли и чувства принадлежали тебе одному. Днем мы говорили о тебе, о твоих работах, гордились тобою, с благоговением произносили твое имя; ночи мы губили на то, что читали журналы и книги, которые я теперь глубоко презираю!

62. **Серебряков:** Что ты хочешь от меня? И какое ты имеешь право говорить со мною таким тоном? Ничтожество! Если имя твое, то бери его, я не нуждаюсь в нем!
63. **Войницкий:** Пропала жизнь! Я талантлив, умен, смел... Если бы я жил нормально, то из меня мог бы выйти Шопенгауэр, Достоевский... Я зарпортовался! Я с ума схожу... Матушка, я в отчаянии! Матушка!
64. **Марина:** Ничего, деточка. Погочут гусаки — и перестанут... Погочут — и перестанут...
Соня: Нянечка! **Марина (гладит ее по голове):** Дрожишь, словно в мороз! Ну, ну, сиротка, бог милостив. Липового чайку или малинки, оно и пройдет... Не горюй, сиротка... (**Глядя на среднюю дверь, с сердцем.**) Ишь, расходились, гусаки, чтоб вам пусто!
65. Клетка со скворцом. На стене карта Африки, видимо, никому здесь не нужная.
66. **Марина:** И лучше. Давеча подняли шум, пальбу — срам один! **Телегин:** Да, сюжет, достойный кисти Айвазовского.
67. Я — сумасшедший, а не сумасшедшие те, которые под личиной профессора, ученого мага, прячут свою бездарность, тупость, свое вопиющее бессердечие. Не сумасшедшие те, которые выходят за стариков и потом у всех на глазах обманывают их. Я видел, видел, как ты обнимал ее!
68. **Войницкий (закрывает лицо руками):** Стыдно! Если бы ты знал, как мне стыдно! Это острое чувство стыда не может сравниться ни с какою болью. (**С тоской.**) Невыносимо! (**Склоняется к столу.**) Что мне делать? Что мне делать?
69. **Войницкий:** Дай мне чего-нибудь! О, боже мой... Мне сорок семь лет; если, положим, я проживу до шестидесяти, то мне остается еще тринадцать. Долго! Как я проживу эти тринадцать лет? Что буду делать, чем наполню их? О, понимаешь... (**судорожно жмет Астрову руку**) понимаешь, если бы можно было прожить остаток жизни как-нибудь по-новому. Проснуться бы в ясное, тихое утро и почувствовать, что жить ты начал снова, что все прошлое забыто, рассеялось, как дым. (**Плачет.**) Начать новую жизнь... Подскажи мне, как начать... с чего начать...
70. **Астров (кричит сердито):** Перестань! (**Смягчившись.**) Те, которые будут жить через сто, двести лет после нас и которые будут презирать нас за то, что мы прожили свои жизни так глупо и так безвкусно, — те, быть может, найдут средство, как быть счастливыми, а мы... У нас с тобою только одна надежда и есть. Надежда, что когда мы будем почивать в своих гробах, то нас посетят видения, быть может, даже приятные.
71. Послушай, если тебе во что бы то ни стало хочется покончить с собою, то ступай в лес и застрелись там. Морфий же отдай, а то пойдут разговоры, догадки, подумают, что это я тебе дал... С меня же довольно и того, что мне придется вскрывать тебя... Ты думаешь, это интересно?
72. **Соня:** Отдай! Зачем ты нас пугаешь? (**Нежно.**) Отдай, дядя Ваня! Я, быть может, несчастна не меньше твоего, однако же не прихожу в отчаяние. Я терплю и буду терпеть, пока жизнь моя не окончится сама собою... Терпи и ты.
73. **Войницкий (достает из стола баночку и подает ее Астрову):** На, возьми! (**Соне.**) Но надо скорее работать, скорее делать что-нибудь, а то не могу... не могу... **Соня:** Да, да, работать. Как только проводим наших, сядем работать... (**Нервно перебирает на столе бумаги.**) У нас все запущено.
74. **Астров:** Э! (**Жест нетерпения.**) Оставайтесь, прошу вас. Сознайтесь, делать вам на этом свете нечего, цели жизни у вас никакой, занять вам своего внимания нечем, и, рано или поздно, все равно поддадитесь чувству, — это неизбежно. Так уж лучше это не в Харькове и не где-нибудь в Курске, а здесь, на лоне природы... Поэтично по крайней мере, даже осень красива... Здесь есть лесничество, полуразрушенные усадьбы во вкусе Тургенева...
75. **Астров (пожал руку):** Да, уезжайте... (**В раздумье.**) Как будто бы вы и хороший, душевный человек, но как будто бы и что-то странное во всем вашем существе. Вот вы приехали сюда с мужем, и все, которые здесь работали, копошились, создавали что-то, должны были побросать свои дела и все лето заниматься только подагрой вашего мужа и вами. Оба — он и вы — заразили всех нас вашею праздностью. Я увлекся, целый месяц ничего не делал, а в это время люди болели, в лесах моих, лесных порослях, мужики пасли свой скот... Итак, куда бы ни

- ступили вы и ваш муж, всюду вы вносите разрушение... Я шучу, конечно, но все же... странно, и я убежден, что если бы вы остались, то опустошение произошло бы громадное. И я бы погиб, да и вам бы... несдобровать. Ну, уезжайте. *Finita la comedia!*
76. **Серебряков (поцеловав дочь):** Прощай... Все прощайте! **(Подавая руку Астрову.)** Благодарю вас за приятное общество... Я уважаю ваш образ мыслей, ваши увлечения, порывы, но позвольте старику внести в мой прощальный привет только одно замечание: надо, господа, дело делать! Надо дело делать! **(Общий поклон.)** Всего хорошего! **(Уходит.)**
77. **Войницкий:** Пусть уезжают, а я... я не могу. Мне тяжело. Надо поскорей занять себя чем-нибудь... Работать, работать! **(Роется в бумагах на столе.)**
78. **Соня (входит):** Уехали. **(Утирает глаза.)** Дай бог, благополучно. **(Дяде.)** Ну, дядя Ваня, давай делать что-нибудь. **Войницкий:** Работать, работать...
79. **Астров:** Придется в Рождественном заехать к кузнецу. Не миновать. **(Подходит к карте Африки и смотрит на нее.)** А, должно быть, в этой самой Африке теперь жарища — страшное дело!
80. **Войницкий (пишет):** «2-го февраля масла постного 20 фунтов... 16-го февраля опять масла постного 20 фунтов... Гречневой крупы...»
81. **Войницкий (Соне, проведя рукой по ее волосам):** Дитя мое, как мне тяжело! О, если б ты знала, как мне тяжело! **Соня:** Что же делать, надо жить! **Пауза.** Мы, дядя Ваня, будем жить. Проживем длинный, длинный ряд дней, долгих вечеров; будем терпеливо сносить испытания, какие пошлет нам судьба; будем трудиться для других и теперь и в старости, не зная покоя, а когда наступит наш час, мы покорно умрем и там за гробом мы скажем, что мы страдали, что мы плакали, что нам было горько, и Бог сжалятся над нами, и мы с тобою, дядя, милый дядя, увидим жизнь светлую, прекрасную, изящную, мы обрадуемся и на теперешние наши несчастья оглянемся с умилением, с улыбкой — и отдохнем. Я верую, дядя, я верую горячо, страстно... **(Становится перед ним на колени и кладет голову на его руки; утомленным голосом.)** Мы отдохнем! **Телегин тихо играет на гитаре.** Мы отдохнем! Мы услышим ангелов, мы увидим все небо в алмазах, мы увидим, как все зло земное, все наши страдания потонут в милосердии, которое наполнит собою весь мир, и наша жизнь станет тихою, нежною, сладкою, как ласка. Я верую, верую... **(Вытирает ему платком слезы.)** Бедный, бедный дядя Ваня, ты плачешь... **(Сквозь слезы.)** Ты не знал в своей жизни радостей, но погоди, дядя Ваня, погоди... Мы отдохнем... **(Обнимает его.)** Мы отдохнем!
82. Мы отдохнем! *Занавес медленно опускается. 1897*

Конец текста